

ОТЗЫВ

о диссертации **Сатовской Светланы Николаевны** на тему:
**«Автобиографизм в творчестве Г. Грасса в контексте авторского образа
мира и истории Германии»**, представленной на соискание ученой степени
кандидата филологических наук по специальности 10.01.03 – Литература
народов стран зарубежья (немецкая литература)

Диссертация С.Н. Сатовской содержит в себе оригинальный подход к творчеству автора, ставшего знаковой фигурой немецкой литературы XX века. Гюнтер Грасс – один из символов уходящей культуры, на протяжении последних двадцати лет вызывающей активную полемику как в самой Германии, так и за ее пределами. Появившиеся в 90-е годы XX века статьи М. Райх-Раницкого, Ф. Ширмахера, И. Нагеля, Й. Фогта целенаправленно ниспровергали авторитет литературы, рефлектирующей по поводу немецкой истории и немецкой вины, объявляли объединение Германий «вторым часом ноль» и провозглашали смену парадигмы взаимоотношений интеллектуалов и общества.

Как справедливо пишет У. Грайнер о важности этой дискуссии: «Тот, кто определяет, что было, тот определяет, что будет. Спор о прошлом есть спор о будущем»¹, – в связи с чем данное исследование приобретает особую **актуальность**.

Материалом работы стал большой массив мемуарных и художественных текстов Г. Грасса, куда вошли данцигская трилогия, «Под местным наркозом», «Из дневника одной улитки», «Камбала», «Крысиха», «Головорожденные», «Широкое поле», «Долгий разговор», «Фотокамера», «Луковица памяти» и «Мое столетие».

Итоговый **концептуальный вывод** о том, что на протяжении всего творчества произведения Г. Грасса эволюционируют в сторону все большего автобиографизма, «типическое сменяется правдивым, правдоподобное –

¹ Greiner., U. Die deutsche Gesinnungsästetik // Die Zeit. – Hamburg 2. – November 1990.

документальным, и такая писательская стратегия трактуется самим Грассом как неизбежная работа сознания по детальной реконструкции прошлого и настоящего, а также моделированию будущего» (С. 171) обоснован и принципиально важен для понимания как литературного процесса в целом, так и эволюции Грасса в частности.

Вызывает уважение добросовестность исследователя в проведенной во **Введении** работе с источниками, зрелость и самостоятельность оценок существующей научной литературы по теме, системный подход к основным проблемам. Хорошо сформулированы положения, выносимые на защиту, они конкретно называют достижения именно этой работы, лишены абстрактной описательности.

Глава 1 «Поэтика документа и исповедальность в послевоенной немецкой литературе» задает теоретические параметры исследования. В *первом параграфе* на широком материале «литературы памяти» показано движение от локального исследования событий Второй мировой войны к рассмотрению широкой проблемы «духа времени» на примере текстов как первого ряда, так и менее исследованных, но не менее представительных. Систематизированы концепции исторического романа Г. Вильперта и М. Брауна. Определены параметры, по которым из соединения документализма и вымысла возникают различные типы исторического романа или «литературы памяти». Однако историзм в работе трактуется расширительно, в его границы включается и роман-миф (как «Смерть Вергилия» Г. Броха – с., 22). Акцент на жанровую природу нового исторического романа остается доминирующим и в дальнейшем исследовании и зачастую уводит исследователя от основной темы: так происходит, например, в разговоре о «Моем столетии» (С. 89).

Открытым остается вопрос соотношения исторического романа и «литературы памяти»: «литература памяти» – это разновидность исторического романа? Особый жанр? В чем его принципиальное отличие? Только ли для немецкоязычной литературы он характерен? *Второй параграф* начинается с определения: «“Литература памяти” как жанр синтезирует в себе

художественное и документальное начало... и может рассматриваться как своеобразная разновидность документальной литературы» (С. 35), что еще добавляет вопросов. В целом в параграфе снова речь идет об авторах, «которые реконструируют историю» (С. 39)², дается представление о двух типах «позиционирования точки зрения» (С.41)³. Вопросы же, возникающие в данной части работы остаются без ясного ответа: в чем состоит «поэтика документа»? Как она используется в текстах, в которых «писатель сам становится творцом собственной, авторской мифологии» (С. 39)? Где критерии, отличающие документальную и недокументальную литературу, отличающие два типа (реалистический и модернистский) документализма? На стр. 45 даются определения:

«В первом случае устная повествовательная манера повествователей служит цели создания стилевого и психологического портрета, а соответственно, и реконструкции мировоззренческой позиции... Во втором случае речь идет о гипотетическом моделировании речевого поведения и взглядов исторических персон, об авторской проекции».

Значит ли это, что в реалистической «реконструкции истории» рассказчик несмоделированный (но тогда это противоречит данному далее анализу «Моего столетия»)?

В *третьем параграфе* выявляются две основных тенденции субъективизации истории: документальность (стремление к объективному, безоценочному «показу» факта) и автобиографизм, приравненный к исповедальности (субъективный «рассказ», включающий анализ и оценку событий). Даются определения исповедальности (С. 49-50) и автобиографии (С. 61), выделяются формы объективных (репортаж, справка, хроника) и субъективных (дневник, мемуары) документов. Становится понятно то внимание, которое уделяется фигуре рассказчика в § 2.

Ответы на вопросы, возникающие в параграфах, отчасти даны в разделе «Выводы по главе». Однако вопросы, непосредственно связанные с темой

² Однако реконструкцией истории занимается рассмотренный ранее исторический роман.

³ Попутно возникает вопрос: идет ли речь о дискурсе?

работы и нуждающиеся в ответах остаются. Каковы критерии автобиографизма в «литературе памяти»? Что специфически отличает автобиографию на уровне выбора материала, стилистики, позиции рассказчика, сюжета? Думается, обращение к таким исследованиям как «Воспоминание и повествование. К проблеме аутентичности художественного высказывания» Н.Т. Рымаря, «Поэтика автобиографического повествования» Д. Кемпера, «Автобиография как автоанализ» Л.Б. Караевой, «Социокультурные прототипы и смысловые константы автобиографических текстов» Е.Е. Сапоговой существенно упрочило бы теоретические позиции диссертации. Тем более что неконкретность теории сказывается далее на качестве аналитических частей работы.

Далее материал распределен по жанровому принципу: мемуары Гюнтера Грасса рассматриваются во второй главе, наиболее значимые романы – в третьей.

Синтетическая природа жанра «Моего столетия», своеобразный полифонизм, соединяющий голоса непрофессиональных рассказчиков, «закольцованность» мотива войны, рефлексия по поводу осознания собственной вины нарратора, «инфантильность нации в зеркале инфантильности героя» (С. 81), становятся объектом пристального внимания автора исследования во **второй главе** работы. Достоинством анализа необходимо назвать движение исследователя не за сюжетно-событийной фактурой, а соотнесение биографии рассказчика с процессом «взросления» нации: от подросткового увлечения нацизмом к прозрению и раскаянию. Особое внимание в главе уделяется двойной временной перспективе текста: прошлое с позиций настоящего – принцип, на котором базируется грассовский текст и его понимание истории. Интересно описаны стилистические средства формирования коллективного нарратора. Обоснован итоговый тезис о понимании истории Гюнтером Грассом в «Моем столетии» как «иррационального потока событий» (С. 97). Было бы хорошо при этом дополнительно остановиться на разнице эпизодов 1900 – 1960 и 60 – 90-х: разница содержательных акцентов, обозначенная на стр. 77: «В дальнейшем, в

1960 – 1990-е, личный, автобиографический контекст ... становится все более значимым», – отражение целенаправленного смыслового движения текста? Кроме того, уместно систематизировать, какими социальными, возрастными, гендерными характеристиками обладают те, кто в совокупности составляют «лицо нации», чьи голоса объединяются в «коллективного нарратора». Хороший тезис: «Эффект очуждения создается за счет монтажа контекстов, а также акцентирования различного объема знаний персонажа, автора и воображаемого читателя: персонаж ограничен перспективой настоящего, он существует синхронно эпохе, а автор... оценивает изображаемое с позиций “будущего” этого персонажа, он знает неизмеримо больше...» (С. 93), было бы полезно развить за счет разговора о сквозных мотивах «Моего столетия», о связи глав и т.д. Все эти вопросы направлены на развитие темы и не требуют немедленного ответа.

В связи с «Луковицей памяти» в работе освещаются вопросы сути основной метафоры, вынесенной в заголовок, специфики грассовского полифонизма в этом тексте, смены повествовательной перспективы («я – Он», «сейчас – тогда»; фотокамеры; монтаж, компоновка и т.д.). К достоинствам работы следует отнести ясное определение собственной позиции исследователя по поводу жанра текста («романизованная автобиография», С. 111), подробный разговор об автокомментариях, многоликости рассказчика, способах дегероизации его образа, «переключения онтологического регистра» (С. 115). Анализ организован вокруг темы, которую диссертант выделяет как основную, – спасительности художественного творчества.

Материалом **главы 3 «Автобиографические элементы в художественной структуре “немемуарных” романов Г. Грасса»** становится большой массив художественных текстов автора, рассмотренных этапно: от данцигской трилогии, с которой он вошел в литературу, к текстам 1970 – 80-х годов и к произведениям 1990 – 2000-х. Глава производит впечатление законченного исследования, связанного с другими частями работы лишь опосредованно: здесь снова дается теория вопроса (гораздо лаконичнее и

конкретнее, чем в первой главе), здесь наконец появляются биографические сведения, столь необходимые в контексте разговора об автобиографии, дается интересный, лаконичный, прямо обращенный к теме анализ текстов. Было бы неплохо дополнить представленный анализ более подробным разговором о том, как создается и что в себя включает образ Данцига в ранних текстах Грасса (материал стр. 153 – 155), уточнить разницу между документом и «фиктивным документом» в романе «Фотокамера», не ссылкой на В.В. Котелевскую, а конкретным анализом текста романа, более подробно остановиться на концепции «четвертого времени» Грасса. Однако эти замечания не снижают общий качественный уровень главы, соответствующие уточнения факультативны.

Работе не повредила бы большая смелость и самостоятельность. Стремление придать прочную научную опору некоторым частям играет с автором злую шутку: возникает ложное ощущение, что исследователь только применяет чужие принципы к анализу своего материала. Так, ощущение зависимости от чужой концепции возникает в § 2.2.6 (Х.-Р. Мюллер-Швефе), § 2.3.3. (типология Н.А. Николиной).

Отдельные части работы представляются излишними и уводящими от темы: сравнение персонажей Г. Грасса и М. Фриша (С. 89), вагнеровский интертекст в «Жестяном барабане» (С. 141–142) и др.

Следует указать также и на некоторое количество технических недостатков работы: указанной на стр. 16 работы З. Абдуллаевой в библиографии нет; из приведенных на стр. 38 в качестве образцовых немецких лириков с «мощным трагическим голосом» четырех авторов трое (Ингеборг Бахманн, Пауль Целан и Ильзе Айхингер) – австрийцы; работа не лишена повторов (С. 45 – С. 90; С. 83 – 84 и др.).

Таким образом, это работа на актуальную тему, поднимающая и решающая многие важные вопросы истории литературы на малоисследованном литературном материале. **Выводы** по диссертации **достоверны** и не вызывают

сомнения. Вынесенные на защиту положения сформулированы ясно, наглядно представляют результаты исследования.

Уровень апробации исследования достаточный: результаты работы над темой опубликованы 5 статьях, 3 из которых опубликованы в журналах, входящих в перечень ведущих рецензируемых изданий, рекомендованных ВАК РФ, однако следует обратить внимание на географию публикаций: одна статья опубликована в Челябинске и 4 – в Екатеринбурге. Содержание автореферата соответствует тексту представленной работы, адекватно отражает ее основные положения и выводы.

Диссертация Сатовской Светланы Николаевны «Автобиографизм в творчестве Г. Грасса в контексте авторского образа мира и истории Германии» соответствует пп. 9 – 10 Положения о присуждении ученых степеней и является научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований решена крупная научная проблема, имеющая важное социально-культурное значение.

Сатовская Светлана Николаевна заслуживает присуждения учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (немецкая литература).

Доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры литературы и методики обучения литературе
Челябинского государственного
педагогического университета

Сейбель Наталия Эдуардовна

28 декабря 2014 г.

Сейбель Наталия Эдуардовна
ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный педагогический университет»
пр. Ленина, 69, г. Челябинск, 454080
Телефон: 8 (351) 239-36-01
Официальный сайт: <http://www.cspu.ru>
E-mail: postbox@cspu.ru

ПОДПИСЬ ЗАВЕРЯЮ:
СПЕЦИАЛИСТ ОК

